

УДК 343.2

Н. В. Макеева

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК МЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Публикация представляет собой всесторонний политико-правовой анализ одной из наиболее дискуссионных проблем правовой жизни – проблемы смертной казни. Данная проблема раскрывается с учетом особенностей российской национально-государственной модели. В статье оценивается эффективность смертной казни в России в качестве средства общего предупреждения. Анализ различных точек зрения позволяет прийти к выводу о достаточно низком общепреventивном воздействии уголовного наказания в целом и смертной казни в частности. Уголовное наказание может оказать существенное воздействие на процесс сдерживания преступности только в комплексе с мерами экономического, социального и политического характера. Оценивая политические меры воздействия на преступность, необходимо отметить, что смертная казнь выступает в качестве наиболее политизированной меры государственного принуждения. Автор обосновывает политическую предрешенность отмены смертной казни в России.

Ключевые слова: правовая модернизация, уголовная политика, противодействие преступности, проблема смертной казни, превентивное воздействие наказания.

N. V. Makeeva

CAPITAL PUNISHMENT AS MEASURE OF STATE ENFORCEMENT: POLITICAL-LEGAL ANALYSIS

Abstract. The publication contains all-round political-legal analysis of one of the most controversial problem of law life that is the problem of death penalty. The author has revealed the death penalty problem taking into account the peculiarities of the Russian national state model. The article assesses the effectiveness of the death penalty in Russia as a means of general prevention. Analysis of the different points of view can lead to the conclusion of a quite low preventive impact of criminal punishment in general, and the death penalty in particular. Criminal penalties could have a significant impact on crime deterrence only in combination with economic, social and political measures. Assessing the impact of policies on crime, it should be noted that the death penalty acts as the most politicized measures of state coercion. The author proves the political foregone abolition of the death penalty in Russia.

Key words: law modernization, criminal law policy, reluctance of criminality, problem of death penalty, preventive influence of punishment.

Характер взаимоотношений государства и личности, публичного и частного издавна занимает одно из центральных мест в различных правовых доктринах и учениях. Очень актуальна эта проблема и применительно к такой

ограничивающей права и свободы граждан мере государственного принуждения, как уголовное наказание. Уголовное наказание является неотъемлемой частью системы охраны и защиты прав и интересов граждан. Размер наказания находится в зависимости от ценности охраняемых прав и интересов, поэтому преступное посягательство на жизнь человека предусматривает самое суровое из имеющихся в законодательстве России наказание – смертную казнь. Еще в 1875 г. А. Ф. Кистяковский в «Элементарном учебнике общего уголовного права» писал, что ни один вопрос «не пользуется такой известностью и таким свойством привлекать к себе дух исследования, как смертная казнь» [1, с. 710].

Необходимость применения высшей меры наказания давно стала одной из самых животрепещущих тем, обсуждаемых научной общественностью. В настоящее время существует три теоретические позиции по отношению к проблеме такого вида наказания, как смертная казнь. Одни ученые и практики, такие как Т. Коновалова, И. Елисеев, выступают против применения смертной казни и за ее немедленную отмену, объясняя это аморальностью и нецелесообразностью подобного наказания [2, с. 23]. Я. Колоколов поддерживает применение смертной казни, рассматривая ее не только как правовое ограничение, но и как физическое уничтожение преступника, которое гарантирует обществу полную безопасность от подобного деяния этого лица [3, с. 9]. Ю. Дмитриев, в принципе поддерживая эту меру, выступает за сокращение применения и постепенную отмену смертной казни [4, с. 15].

На сегодняшний день именно в наличии такой меры, как смертная казнь, современное российское общество видит гарантию защиты своего права на жизнь. Как справедливо подчеркивается в литературе, современная преступность характеризуется не только ростом числа совершаемых в стране уголовно наказуемых деяний, но и жестоким, зверским отношением к потерпевшим, особенно по делам об убийствах, изнасилованиях, грабежах. В условиях неспособности государства противостоять возрастающему уровню преступности, деятельности криминальных сообществ и серийных убийц смертная казнь представляет собой единственную меру, которая способна в силу своего превентивного воздействия защитить как конкретного человека, так и общество в целом от массовой криминальной агрессии.

В любом случае истинная цель наказания – защита общества и его индивидов. Защита от особо опасных преступников может осуществляться двумя способами – либо их полной изоляцией, либо лишением их жизни. Считается, что поставленные законодателем перед уголовным наказанием цели едины для всех видов наказаний. Однако смертная казнь по своей природе не соответствует цели исправления осужденного и тем самым имеет отрицательную нравственную оценку. Норма о смертной казни, как указывали С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев, являет собой пример внутреннего противоречия уголовного права, которое законодатель попытался снять тем, что «назвал эту меру “исключительной” и временной» [5, с. 20].

Применение смертной казни скорее служит идее возмездия, а не восстановлению социальной справедливости в гражданском обществе и правовом государстве. Приведение приговора к смертной казни в исполнение физически исключает возможность совершения осужденным новых преступлений, тем самым достигается цель специального предупреждения. Между тем данное положение разделяется не всеми учеными, считающими цель исправ-

ления как промежуточной, так и самостоятельной. Так, И. И. Карпец, придавая цели исправления самостоятельное значение, считал, что «обращенное к конкретному преступнику такое наказание необратимо и поэтому никакого частнопредупредительного значения не имеет». По мнению А. В. Клигмана, смертная казнь вовсе не является наказанием, так как о принуждении «можно говорить лишь до того момента, пока существует объект принуждения. Казнь такой объект ликвидирует» [6, с. 392].

В отличие от других видов наказаний, элементом общепредупредительного воздействия смертной казни выступает угроза физического устрашения. Однако эффективна ли смертная казнь в качестве средства общего предупреждения? Данная проблема рассматривалась в ряде отечественных и зарубежных криминологических исследований.

Концепция общего предупреждения, сдерживания преступности путем устрашения является одной из основ, на которых зиждется убеждение в необходимости сохранения смертной казни. Однако наивная вера в ее эффективность основана на мифологизмах и на мнении о том, что ужесточение кары снижает уровень преступности. Между тем давно доказано, что расчет на пользу от ужесточения репрессий основан на иллюзиях, ибо даже в благополучном обществе страх перед суровым наказанием если и способен удержать человека от преступления, то лишь самую незначительную часть потенциальных правонарушителей.

Отечественные и зарубежные психологи и психиатры убедительно доказали, что для обыденного сознания отдаленная во времени потенциальная возможность смертной казни не является смыслообразующей и лишена реальной побудительной силы, что психологически механизмы защиты устроены так, чтобы не допускать в сознание неблагоприятную информацию, и тем самым они нейтрализуют страх перед наказанием. Еще в начале XX в. криминологическая наука накопила большой массив эмпирических данных, убедительно свидетельствующих о неэффективности смертной казни. Используя эти данные и опираясь на опыт различных стран, исследователи доказали, что отмена смертной казни никак не влияет на динамику преступности. В конце 70-х гг. XX в. американский криминолог Т. Селлин, а вслед за ним английский исследователь Н. Уолкер привели убедительные свидетельства того, что отсутствие или сохранение в законодательстве смертной казни не оказывает воздействия на динамику убийств. Поздние их последователи сравнили многолетние тенденции в динамике тяжких преступлений в тех штатах США, где смертная казнь применяется, и там, где она отсутствует, и пришли к выводу, что в первом случае уровень тяжких преступлений всегда был выше. Проведенное в 1988–1996 гг. по заказу ООН исследование, а также другие, более поздние работы не обнаружили доказательств того, что смертная казнь является более эффективным средством, удерживающим от преступлений, чем пожизненное лишение свободы, и нет оснований полагать, что это может быть доказано в будущем. Исследователи прямо указывают, что имеющиеся факты и свидетельства никак не подтверждают гипотезу, согласно которой смертная казнь способствует снижению преступности; поэтому нет оснований опасаться, что отмена или снижение числа казней может дать всплеск преступности [9].

Существует, однако, определенная категория людей, которых наличие в уголовном законе смертной казни удерживает от совершения убийств.

Поэтому отнюдь не случайно, что в 1998 г., когда приговоры к высшей мере наказания еще выносились, прирост убийств составил всего 0,9 %, а в 1999 г., когда данное наказание было заблокировано, возрос почти в пять раз и достиг 4,4 % [10, с. 163].

Следовательно, тезис о низком общепреventивном воздействии уголовного наказания подменяется другим – о низком общепредупредительном воздействии одного из наказаний [11, с. 151]. А ведь еще в конце XIX в. Н. Д. Сергеевский писал, что следует «неуклонно исходить их того положения, что смертная казнь... есть одна из карательных мер уголовного правосудия и подлежит поэтому одинаковой с ними оценке по одним общим правилам» [12, с. 258].

Наказание было и остается вспомогательным средством борьбы с преступностью, поэтому криминогенную обстановку в обществе нельзя напрямую связывать с наличием в уголовном законе тех или иных мер государственного принуждения. Смертная казнь выполняет свою роль в деле борьбы с преступностью. Высшая мера наказания лишь участвует в обуздании преступности наряду с другими наказаниями, а также экономическими, социальными, политическими и духовными факторами [13, с. 148].

Сторонники смертной казни, исходя из того, что в демократическом государстве носителем суверенитета и единственным источником власти является народ (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ), предлагают вынести решение вопроса о смертной казни на референдум. При этом в качестве примера часто ссылаются на опыт Швейцарии, а также Республики Беларусь.

Смертная казнь – самая политизированная мера государственного принуждения. В силу этого те или иные политические решения чаще всего не согласуются ни с криминальной ситуацией, ни с историческим опытом, ни с криминологическими идеями. Более того, как показывает опыт многих стран, состояние общественного мнения вовсе не является непременным условием для выбора политического решения. Именно поэтому при всех различиях в их мотивах политические решения о восстановлении, а тем более об отмене смертной казни чаще всего оказываются весьма непопулярными.

Явный политический подтекст решений, принимаемых по проблеме смертной казни, особенно ощутим в период избирательных кампаний (США, Россия, Иран). Он очевиден и в связи с теми или иными крупными международными инициативами и акциями. Одним словом, политические соображения даже при самых острых коллизиях с общественным мнением всегда оказываются приоритетными и потому, как правило, не соответствуют ни научным доктринам, ни общественным умунастроениям, ни криминологическим реалиям.

Напомним, что меры социального принуждения уже давно монополизированы государственной властью, органы которой карали преступников за содеянное ущемлением либо отнятием любого из возможных человеческих благ – имущества, чести, свободы, здоровья и, наконец, жизни. Иными словами, в сфере уголовного наказания возможности государственно-принудительного воздействия на преступников ничем не ограничивались.

Нельзя не подчеркнуть, что всякое социально опасное деяние посягает в определенной мере на интересы публичной власти, выражающиеся в нерушимости установленных ею правил регулирования общественной жизни. Поэтому преступник, подрывая своими противоправными действиями соци-

альные устои, бросает вызов также верховной власти. Следовательно, вмешательство последней не может быть сведено до уровня третейского судьи, разрешающего спор виновного с потерпевшим. Оно должно содержать прямой ответ индивиду, грубо оскорбившему власть. Потому в наказании всегда должна присутствовать «доля государства», являющаяся важнейшим элементом «уголовно-правовой ликвидации преступности». Иначе чем объяснить тот факт, что вся процедура судебного разбирательства вообще и назначения наказания в частности призвана внушить гражданам, что сколь бы тяжким и опасным для общества ни было совершенное злодеяние, преступник слишком слаб и ничтожен по сравнению с государством, защищающим безопасность своих законопослушных граждан.

Элемент возмездия в наказании есть, ибо оно назначается за преступление и должно соответствовать его тяжести. «Наказание, – отмечал Н. А. Стручков, – кара за преступление. В силу этого оно несет в себе свойство оплаты, возмездия за совершенное зло. И вряд ли можно уходить от такой оценки наказания. Она соответствует элементарным представлениям морали» [14, с. 59–60].

Столкнувшись с чудовищным по своей жестокости преступлением, человек хочет воздать злодею за содеянное, ответить на насилие еще большим или хотя бы таким же насилием. Это главный аргумент сторонников применения смертной казни – она есть единственное равноценное воздаяние за особо тяжкие преступления. Древнегреческий философ Платон целью наказания считал не нравственное исправление преступника, а его физическое уничтожение, необходимое для общественного благополучия и пресечения дурного примера, способного совратить кого-либо в будущем. И. Кант и Г. Гегель, будучи убежденными сторонниками смертной казни, утверждали, что для некоторых наиболее тяжких преступлений невозможно найти другого эквивалента.

С ними солидаризируются представители антропологической школы (Ч. Ломброзо, Э. Ферри и др.), требующие для прирожденных преступников единственно эффективной меры полного их устранения – смертной казни. Такая мера реализует не только идею возмездия за содеянное, но и обеспечивает общественную безопасность, спокойствие и порядок.

Односторонний отказ от исполнения смертной казни, являющийся по своей сути декларативным, приводит к реанимации нелегальных форм расправы, имеющих внесудебный характер. Самодеятельная смертная казнь будет осуществляться, но уже не «сверху», а «снизу». При этом роль «теневой юстиции», отправляющей «правосудие», вполне могут взять на себя родственники жертв, сочувствующие сотрудники правоохранительных органов и, что наиболее опасно, представители организованной преступности [13, с. 155].

На сегодняшний день Россия – одна из стран, на которую оказывается серьезное давление со стороны мировой общественности, международных и общественных организаций по вопросу о смертной казни. Очевидно навязывание выгодных для Запада требований – условий, имеющих больше политическое значение, нежели забота о моральном облике и цивилизованности нашего Отечества. В этом отношении необходимо ориентироваться на собственный опыт, формируемый социально-экономическими условиями, исходить из нашего менталитета и особенностей развития.

Смертная казнь противоречит международно-правовым стандартам в области прав человека. Установление запрета на применение смертной казни в современном международном праве связано с утверждением в качестве основного принципа уважения прав и основных свобод человека и общим признанием абсолютного права на жизнь. Норма о запрете на смертную казнь уже признана многими государствами. Мировое сообщество также отказалось от применения смертной казни и за международные преступления. В связи с этим отмена смертной казни обусловлена дальнейшей интеграцией России в Европейское сообщество.

Однако гуманизм исключительно к преступнику означает демонстрацию преступного равнодушия к его жертве. Применение высшей меры наказания обусловлено острой необходимостью беспощадной борьбы с наиболее тяжкими преступлениями. Отнюдь не по ошибке около ста государств сохраняют смертную казнь в своем уголовном законодательстве и активно применяют ее. В их числе США, Япония, Китай, Саудовская Аравия. Как совершенно обоснованно указывает Р. С. Нагорный, только смерть осужденного дает стопроцентную гарантию того, что он в будущем больше не совершит преступления [15, с. 28].

Опыт большинства стран показывает, что отмена смертной казни, как правило, ведет к уменьшению ее сторонников, переосмыслению консервативных взглядов и общему смягчению нравов [16, с. 255]. В абсолютном большинстве стран, отменивших смертную казнь, принятие такого рода решений происходит со значительным опережением соответствующих изменений в общественном сознании. Для того чтобы проблема не встала в ряд конфликтогенных в отношениях населения и власти, нужна умелая информационная и разъяснительная работа, психологически подготавливающая общественное сознание к восприятию такого рода политических решений. Сегодня это тем более важно, ибо юридическая отмена смертной казни в России политически предрешена.

Список литературы

1. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 4. Россия XI–XIX вв. – М., 1999. – 813 с.
2. **Коновалова, Т. Ф.** Нужна ли России смертная казнь? / Т. Ф. Коновалова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2010. – № 2. – С. 23–25.
3. **Колоколов, Я. Н.** Смертная казнь: Конституционный Суд РФ дает новое толкование проблемы / Я. Н. Колоколов // Российский судья. – 2010. – № 1. – С. 6–10.
4. **Дмитриев, Ю.** Казнить нельзя помиловать: проблема запятой / Ю. Дмитриев // ЭЖ-Юрист. – 2009. – № 48. – С. 10–16.
5. **Келина, С. Г.** Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. – М., 1988. – 176 с.
6. **Клигман, А. В.** Право на жизнь // Смертная казнь: за и против / А. В. Клигман ; под ред. С. Г. Келиной. – М., 2006. – С. 389–398.
7. **Hood, R.** The Death Penalty: A World – wide Perspective / R. Hood. – Oxford, 1966.
8. **Mello, M.** Against the Death Penalty / M. Mello. – Boston, 1996.
9. **Acker, J.** America's Experiment with Capital Punishment / J. Acker, R. Voxm, C. Lanier. – Durham, 1988.
10. **Милюков, С. Ф.** Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа / С. Ф. Милюков. – СПб., 2000. – 279 с.

11. **Михлин, А. С.** Высшая мера наказания: история, современность, будущее / А. С. Михлин. – М., 2000. – 176 с.
12. **Сергеевский, Н. Д.** Лишение жизни как уголовное наказание / Н. Д. Сергеевский // Избранные труды. – М., 2008. – 606 с.
13. **Малько, А. В.** Смертная казнь в России: проблемы правовой политики / А. В. Малько // Правовая политика и правовая жизнь. – 2002. – № 1. – С. 141–159.
14. **Стручков, Н. А.** Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков. – Саратов, 1978. – 288 с.
15. **Нагорный, Р. С.** Смертная казнь: превентивная роль. Ужесточение наказания против неотвратимости наказания / Р. С. Нагорный // Российский следователь. – 2006. – № 2. – С. 27–30.
16. **Квашис, В. Е.** Смертная казнь: мировые тенденции, проблемы и перспективы / В. Е. Квашис. – М., 2008. – 800 с.

References

1. *Antologiya mirovoy pravovoy mysli: v 5 t. T. 4. Rossiya XI–XIX vv.* [Anthology of world's legal thought: in 5 volumes. Vol. 4. Russia in XI–XIX centuries]. Moscow, 1999, 813 p.
2. Konovalova T. F. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [Criminal executive system: law, economy, administration]. 2010, no. 2, pp. 23–25.
3. Kolokolov Ya. N. *Rossiyskiy sud'ya* [Russian judge]. 2010, no. 1, pp. 6–10.
4. Dmitriev Yu. *EZh-Yurist* [Jurist]. 2009, no. 48, pp. 10–16.
5. Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. *Printsipy sovetskogo ugovnogo prava* [Foundations of the soviet criminal law]. Moscow, 1988, 176 p.
6. Kligman A. V. *Smertnaya kazn': za i protiv* [Death penalty: pro et contra]. Moscow, 2006, pp 389–398.
7. Hood R. *The Death Penalty: A World – wide Perspective*. Oxford, 1966.
8. Mello M. *Against the Death Penalty*. Boston, 1996.
9. Acker J., Boxm R., Lanier C. *America'Experiment with Capital Punishment*. Durham, 1988.
10. Milyukov S. F. *Rossiyskoe ugovnoe zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza* [Russian criminal legislation: experience of critical analysis]. Saint Petersburg, 2000, 279 p.
11. Mikhlin A. S. *Vysshaya mera nakazaniya: istoriya, sovremennost', budushchee* [Extreme penalty: history, modern times, future]. Moscow, 2000, 176 p.
12. Sergeevskiy N. D. *Izbrannye trudy* [Selected proceedings]. Moscow, 2008, 606 p.
13. Mal'ko A. V. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Law policy and law life]. 2002, no. 1, pp. 141–159.
14. Struchkov N. A. *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee realizatsiya v bor'be s prestupnost'yu* [Criminal liability and realization thereof in struggle against crime]. Saratov, 1978, 288 p.
15. Nagornyy R. S. *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator]. 2006, no. 2, pp. 27–30.
16. Kvashis V. E. *Smertnaya kazn': mirovye tendentsii, problemy i perspektivy* [Death penalty: world tendencies, problems and perspectives]. Moscow, 2008, 800 p.

Макеева Наталья Владимировна
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории государства и права
и политологии, Пензенский
государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

Makeeva Natal'ya Vladimirovna
Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of state and law
theory and political science, Penza State
University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

E-mail: makeeva-nv@yandex.ru

УДК 343.2

Макеева, Н. В.

Смертная казнь как мера государственного принуждения: политико-правовой анализ / Н. В. Макеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 2 (26). – С. 5–12.